

Рец. на: В.Ф. Джунковский. Воспоминания (1865—1904). М.: Издательство им. Сабашниковых, 2016. 816 с.; В.Ф. Джунковский. Воспоминания (1915—1917). Т. 3. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2015. 728 с.

Dmitry Andreev

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Rec. ad op.: V.F. Dzhunkovsky. Vospominaniia (1865—1904). Moscow, 2016; V.F. Dzhunkovsky. Vospominaniia (1915—1917). Vol. 3. Moscow, 2015

С выходом воспоминаний В.Ф. Джунковского о 1865—1904 гг. и 1915—1917 гг. завершается издательский проект, начатый ещё 20 лет назад: опубликованный тогда двухтомник освещал события 1905—1915 гг.¹ Теперь мемуары этого государственного и военного деятеля, охватывающие более полувека, почти полностью доступны широкому кругу читателей. Структура текста во всех четырёх томах идентична и производит впечатление литературно обработанного дневника. О том, что, работая над воспоминаниями с начала 1920-х до начала 1930-х гг. (1865—1904, с. 14; здесь и далее перед ссылкой на страницу указан том воспоминаний по годам), автор пользовался не только своим архивом, переданным ранее в Пушкинский Дом, но и какими-то записями, составленными более или менее синхронно с упоминаемыми событиями, свидетельствует хотя бы обилие точных дат, трудно восстанавливаемых или вовсе не уточняемых по памяти, тем более за столь долгий период. Видимо, с этой спецификой связано и отсутствие обычно встречающихся у других мемуаристов развёрнутых характеристик исторических деятелей: Джунковский, как правило, просто фиксирует происходившее, придавая описанию тот или иной эмоциональный фон.

Материал первого из рецензируемых томов охватывает 1865—1904 гг. и разделён на четыре части. Первая посвящена детству и ранней юности автора — от рождения и почти до окончания Пажеского корпуса (1865—1883 гг.). Во второй рассказывается о годах его службы в Преображенском полку (1884—1891 гг.). В третьей и четвёртой (соответственно 1893—1897 и 1898—1904 гг.) описана служба Джунковского адъютантом московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича.

Воспоминания за 1892 г. были выделены их автором в отдельную папку и согласно его воле остались неопубликованными (1865—1904, с. 16). Внутри каждой части, кроме первой, события излагаются по годам.

На протяжении почти четверти века — с назначения адъютантом вел. кн. Сергея Александровича до отставки в августе 1915 г. с постов товарища министра внутренних дел и командира Отдельного корпуса жандармов — Джунковский был очень близок к власти. Впервые близко общаться с будущим последним императором ему довелось ещё в 1887 г., когда мемуарист был помощником дежурного по полку, а цесаревич вел. кн. Николай Александрович — дежурным. Джунковский вспоминал, что во время этого суточного наряда наследник вёл себя предупредительно, «исключительно просто, видимо, наслаждаясь отсутствием в полку придворного этикета», проявлял заботу о своём помощнике и вообще «поражал» «воспитанностью, любезностью и деликатностью» (1865—1904, с. 185—186). Вместе с тем Владимир Фёдорович отмечал, что на следующий год, когда он вновь оказался на полковых лагерных учениях помощником дежурившего по полку цесаревича, «самостоятельность и уверенность» наследника престола ощущались сильнее (1865—1904, с. 193).

Став адъютантом вел. кн. Сергея Александровича, Джунковский регулярно был в непосредственной близости от императора, его родственников и представителей высшей бюрократии. Так, в 1893 г. он присутствовал при закладке Александром III памятника своему отцу в Московском Кремле, подробно изложив в воспоминаниях программу пребывания царской семьи в Первопрестольной (1865—1904, с. 263—271). Осенью 1894 г. Джунковский

находился в Ливадии в последние дни жизни Александра III. В мемуарах он достаточно точно передаёт слова, сказанные императором незадолго до смерти врачу Н.А. Вельяминову (1865–1904, с. 325)². Тем более важны свидетельства Владимира Фёдоровича, указывающие на то, что манифест о вступлении на престол Николая II готовился в окружении гр. И.И. Воронцова-Дашкова (1865–1904, с. 326). Это, в свою очередь, позволяет судить о степени влияния министра императорского двора накануне и сразу после кончины Александра III³.

Естественно, Джунковский обстоятельно описал коронационные торжества 1896 г. и ходынскую катастрофу. По мнению мемуариста, вел. кн. Сергей Александрович, считая себя «хозяином столицы», был явно задет тем, что организация и проведение празднования были переданы в ведение Министерства императорского двора, и демонстративно «совершенно устранился от всякого вмешательства» даже в дела, по-прежнему остававшиеся в сфере компетенции московского начальства. Обер-полицмейстер А.А. Власовский, «видя такое отношение со стороны хозяина столицы», также не уделил «должного внимания» обеспечению порядка на Ходынском поле. Осуждая подобное поведение великого князя, Джунковский упрекает его и в том, что он не сумел «намекнуть государю» на желательность сразу же выехать на место трагедии (1865–1904, с. 389). Критически оценивается в воспоминаниях и добровольная отставка вел. кн. Сергея Александровича с должности генерал-губернатора в декабре 1904 г. Считая подобный шаг проявлением «малодушия с его стороны», Джунковский утверждал, что нельзя «уходить с поста в такое серьёзное время надвигавшейся грозы» (1865–1904, с. 762). Видимо, он не знал, что данное решение нелегко далось и самому великому князю, записавшему 31 декабря 1904 г. в дневнике: «Последний мой день генерал-губернаторства! — странное чувство после 14 лет! ... всё же мне тяжело!»⁴.

Рассказ о событиях августа 1915 — начала 1918 г. разделён по годам на три части, каждая из которых разбита на мелкие сюжетные главки. В этом томе сокращений несопоставимо меньше, чем в воспоминаниях о 1865–1904 гг.: фактически публикации опустили лишь многочисленные

интерполяции — включённые Джунковым в свой текст войсковые приказы, благодарственные письма, документы Петроградского совета и Временного правительства, выступления А.Ф. Керенского (1915–1917, с. 12).

Содержательно заключительные разделы мемуаров Джунковского существенно отличаются от предыдущих. Передав императору досье, компрометировавшее Г.Е. Распутина, Владимир Фёдорович вынужден был 15 августа 1915 г. покинуть посты товарища министра внутренних дел и шефа жандармов и отойти от большой столичной политики. Теперь ему приходилось судить о ней лишь по сведениям, доходившим со стороны. Вскоре он по собственному желанию ушёл на войну, занимал разные командные должности в соединениях Западного фронта и завершил карьеру командиром 3-го Сибирского армейского корпуса (это назначение состоялось уже в октябре 1917 г., незадолго до падения Временного правительства). В декабре 1917 г. генерал-лейтенант Джунковский официально был уволен из армии большевиками. Неудивительно, что, говоря про этот период, мемуарист сообщает преимущественно о штабной и окопной повседневности.

Характерно, что он не только жалеет об отставках считавшихся либерально настроенными министра внутренних дел кн. Н.Б. Щербатова и обер-прокурора Святейшего Синода А.Д. Самарина, но и ошибся почти на неделю при их датировке (1915–1917, с. 27–28). Судя по всему, не был он осведомлён и о происходившем тогда повороте во внутренней политике, завершившемся через месяц удалением из правительства ключевой фигуры — главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина, на которого ориентировался Прогрессивный блок. Бывший руководитель жандармского ведомства довольствовался теперь открытыми источниками информации о ситуации в верхах. В свои воспоминания он поместил впоследствии без каких-либо дополнительных комментариев полный текст нашедшей статьи В.А. Маклакова «Трагическое положение», опубликованной в конце сентября 1915 г. в «Русских ведомостях» (1915–1917, с. 35–36).

Своеобразным отзвуком столичной жизни на фронте стала пришедшая в конце 1915 г.

в войска «совершенно секретная бумага», запрещающая как-либо обсуждать слухи о Распутине. Джунковский, карьера которого менее четырёх месяцев назад круто изменилась из-за попытки разоблачить «старца», не без колкости отметил, что именно после этого распоряжения в армии «начались всевозможные закулисные толки», тогда как раньше на эту тему вовсе не говорили (1915–1917, с. 67). Но он, похоже, не задумывался о том, зачем ведомству А.А. Поливанова, который также считался либеральным министром, потребовалось так широко извещать подчинённых о существовании «запретных» сюжетов.

Не менее любопытен рассказ Джунковского о разговоре с Б.В. Штюмером, состоявшемся перед отъездом мемуариста из Петрограда в армию, видимо, в конце октября 1915 г. (1915–1917, с. 42, 86). Генералу показалось, что его собеседник, являвшийся ещё только членом Государственного совета, не случайно высказал «много практически жизненных мыслей, которые он находил необходимым провести в жизнь», но явно хочет «сделаться вторым Столыпиным». Видимо, уже тогда Штюмер вовсю готовился заменить престарелого И.Л. Горемыкина на посту председателя Совета министров. Правда, буквально несколькими строчками ниже мемуарист, как бы подводя итоги 1916 г., констатирует, что Столыпин из Бориса Владимировича не получилось, а все его идеи были «одними словами» (1915–1917, с. 86).

Крайне несвоевременным Джунковский считал арест в апреле 1916 г. бывшего военного министра В.А. Сухомлинова. Эта мера, действительно, лишь разжигала и без того немалые политические страсти. Между тем, по мнению мемуариста, отставки Владимира Александровича «было вполне достаточно, а разбирать его виновность было бы достойнее после войны». Более того, по словам Владимира Фёдоровича, император именно так и собирался поступить, однако затем «поддался окружающим» и санкционировал опрометчивое решение. При этом, «подавшись против своей воли», царь почувствовал «ещё большую неприязнь к Поливанову», которому и прежде не симпатизировал, сделав его министром «тоже против своей воли» — по желанию вел. кн. Николая Николаевича. И уже через несколько дней после того, как государь

согласился отдать Сухомлинова под суд, Поливанов был отправлен в отставку.

Данная реконструкция кадровых решений Николая II исключительно важна, поскольку Джунковский не зря признаётся в некотором знании «психологии» императора (1915–1917, с. 283). В подчас странной и противоречивой череде отставок и назначений, производившихся в кризисное военное время, подобные «психологические» разъяснения помогают увидеть не просто результат бездумного следования тем или иным влияниям, а некое выношенное — пусть даже возникшее под воздействием эмоций, а не холодного рассудка — самостоятельное решение, которое могло, конечно, подогреваться извне и совпадать с теми или иными советами, но отнюдь не инспирировалось ими и не являлось их непосредственным итогом.

В воспоминаниях Джунковского можно прочесть и о том, как в армии узнавали о совершившейся в стране революции. Примечательно, что самому мемуаристу, стоявшему тогда во главе 8-й Сибирской стрелковой дивизии, о беспорядках в Петрограде стало известно только вечером 3 марта в штабе Гренадерского корпуса, в составе которого сражалось вверенное ему соединение. Вызвав начальников дивизий, командир корпуса Д.П. Парский показал собравшимся полученную из штаба армии депешу об отречении императора, подписанную «Юрий Данилов». Видимо, она шла от начальника штаба Северного фронта, но вызывали недоумение и столь неформальная подпись, и то, что известие пришло совсем не по команде: Гренадерский корпус входил в состав 4-й армии Западного фронта, и Ю.Н. Данилов являлся для него «посторонним лицом». И хотя речь шла не о приказе, а всего лишь об уведомлении, Джунковский незамедлительно заявил Парскому и всем остальным, что «депеше придавать значения нельзя», поскольку «сообщение о таком исключительном событии может быть принято только от своего главнокомандующего». Владимир Фёдорович не исключал, что «такая депеша, идущая по фронту, может быть ничем иным как провокацией с целью внести смуту в войсках передовой

линии». В результате было решено через штаб армии обратиться за разъяснениями в штаб фронта. После этого все разошлись, а на следующее утро выяснилось, что кн. Г.Е. Львов возглавил ответственное министерство, а вел. кн. Николай Николаевич назначен верховным главнокомандующим. К вечеру 4 марта слухи об отречении царя окончательно подтвердились (1915–1917, с. 446–448). Всё это косвенно свидетельствовало если и не о заговоре генералов, то о готовности руководства Северного фронта к неуставным действиям.

Примечания

¹ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1–2. М., 1997.

² Ср.: Вельяминов Н.А. Встречи и знакомства // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. V. М., 1994. С. 307.

³ См.: Андреев Д.А. Император Николай II в первые месяцы царствования: внешние влияния и самостоятельные решения // Российская история. 2011. № 4. С. 117–118.

⁴ Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009. С. 710.

Ирина Махалова

Особенности Холокоста в Крыму и на Северном Кавказе

Irina Makhalova

(National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

Features of the Holocaust in the Crimea and the North Caucasus

Недавно в издательстве Международного института исследования Катастрофы вышла книга профессора Ариэльского университета (Израиль) Кириллы Фефермана «Холокост в Крыму и на Северном Кавказе»^{*}.

Выбор таких регионов обусловлен рядом причин. Во-первых, значительную часть их жителей составляли мусульмане, которых пытались привлечь на свою сторону немецкие оккупационные власти. Взаимодействие этих народностей с еврейским населением в период оккупации является для автора важнейшим аспектом при сравнении регионов. Во-вторых, в них действовала айнзатцгруппа «Д» — одно из четырёх специально созданных немцами подразделений, непосредственно осуществлявших «окончательное решение» еврейского вопроса, а также боровшихся с любой оппозицией оккупационному режиму. Именно айнзатцгруппа «Д» занималась

уничтожением еврейского населения на Юге Украины, в Крыму и на Северном Кавказе. В-третьих, Кавказ и Крым играли особую роль в стратегических планах немецкого командования — они должны были стать для Германии плацдармом для дальнейшего продвижения на Восток, а также местом будущего расселения *Volksdeutsche*. В-четвёртых, особое место в политике оккупационных властей занимали «специальные еврейские группы», к которым относились крымчаки, караимы в Крыму и горские евреи Северного Кавказа (р. 18–23).

В историографии уже затрагивался вопрос о карательной политике немецких оккупантов в отношении определённых групп советского населения, в особенности еврейского. В монографии германского историка Н. Кунца¹, посвящённой истории Крыма в период немецкой оккупации,

Исследование финансировалось в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

^{*} *Feferman K. The Holocaust in the Crimea and the North Caucasus. Jerusalem: Yad Vashem, 2016. 540 p.*